

Елена Задворная

Минский государственный лингвистический университет

Беларусь

E-mail: zadvorny@bsu.by

ДИСКУРС КАК ФИЛЬТРУЮЩАЯ СИСТЕМА

В статье рассматривается известная трактовка дискурса как системы ограничений, накладываемых на бесконечное число высказываний, и предпринимается попытка выявить конкретные направления исследования дискурса, которые способствовали бы наполнению этой трактовки конкретным, лингвистическим релевантным содержанием. В качестве таких направлений выделяются: а) анализ отдельных компонентов высказывания, способных реагировать на дискурсные фильтры (в данном аспекте в статье рассматриваются пропозициональное содержание высказывания, а также его модальные и иллокутивные характеристики); б) выявление степени жесткости дискурсной фильтрации и степени ее осознанности субъектами дискурсивной деятельности; в) сопоставительное изучение различных дискурсов как фильтрующих систем.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: анализ дискурса, дискурс как система фильтров, пропозициональное содержание высказывания, модальные характеристики высказывания, иллокутивные характеристики высказывания, характер дискурсной фильтрации, научный дискурс, политический дискурс.

Современной лингвистике не чужды явления, когда определенные теоретические постулаты превращаются в общепринятые аксиомы, не проходя при этом стадии верификации (и/или надежной детальной разработки, и/или подкрепления солидной фактической базой). Хорошо известная формула «трюизм – это уставшая правда» оказывается в таких случаях справедливой лишь наполовину: внешне очевидные истины успевают устать и набить оскомину, но не успевают либо доказать правомерность своих претензий на роль правды либо, по крайней мере, воплотиться в плоть и кровь языковой эмпирики. Подобного рода трюизмы уже вошли и в теоретический фонд такого относительного молодого проблемного поля, как анализ дискурса.

Так, с высокой степенью вероятности

любое исследование, локализованное в проблемном поле анализа дискурса, «обречено» так или иначе учитывать следующее, ставшее уже классическим, определение, согласно которому дискурс представляет собой систему ограничений, «которые накладываются на неограниченное число высказываний в силу определенной социальной или идеологической позиции» (это определение приведено здесь в формулировке П. Серио¹, но явно восходит к положениям М. Фуко, высказанным в работе «Археология знания»², так что в данном случае, по-видимому, естественно сослаться на двух авторов; с другой стороны, оно обладает такой высокой степенью повторяемости, цитируемости и узнаваемости, что, по сути дела, уже практически не нуждается в отнесенности к конкретному автору/авто-

¹ СЕРИО, Патрик. Как читают тексты во Франции In *Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса*. Москва, 1999, с. 26.

² См.: ФУКО, Мишель. *Археология знания*. Киев, 1996.

рам). Данный постулат, очевидно, следует понимать в том смысле, что дискурсивная практика является системой, выполняющей по отношению к бесконечному количеству высказываний функцию своеобразного комплекса фильтров, вследствие чего некоторые типы высказываний не могут быть порождены в рамках определенной дискурсивной практики (или – в более слабом варианте – употребление некоторых типов высказываний в рамках данной дискурсивной практики нетипично, не вполне естественно, не одобряется социумом и т. п.).

Само по себе это положение не вызывает никаких сомнений, но, как представляется, модус его бытования вполне соответствует известному замечанию Ф. де Соссюра насчет того, что «часто гораздо легче открыть истину, нежели указать подобающее ей место»³, а также выявить все ее многочисленные следствия. На наш взгляд, выявление следствий, вытекающих из обсуждаемого здесь постулата, предполагает поиски ответов на следующие вопросы.

1. Какие компоненты высказывания чувствительны к дискурсивной фильтрации и способны на нее реагировать? Иными словами, что, собственно, оказывается непосредственным объектом фильтрации – пропозициональное содержание, иллокутивная функция, модальные компоненты высказывания (а также, возможно, условия успешности, условия искренности, набор презумпций, имплицативный потенциал и т. д.)? Не ставя перед собой задачу исчерпывающим образом ответить на этот вопрос (что невозможно сделать в рамках жанра статьи), наметим лишь контуры возможного ответа.

На наш взгляд, чувствительность к фильтрующей способности дискурса характерна для следующих компонентов высказывания.

– **Пропозициональное содержание.** Во-первых, дискурсивные фильтры

налагают закономерный запрет на высказывания, содержание которых противоречит требованиям постулата релевантности (политики на заседании Госдумы или ученые на заседании совета по защите диссертаций не обсуждают тенденции современной моды или вчерашнюю театральную премьеру); это, так сказать, внешняя фильтрация, не пропускающая в определенную сферу коммуникации тематически чуждые для нее высказывания. Во-вторых, дискурсивные фильтры задерживают те высказывания, содержание которых не соответствует глобальным интенциональным и ценностным установкам, принятым в определенных сферах коммуникации (и, более того, конституирующим эти сферы) – данную разновидность фильтрации можно назвать внутренней. Так, например, в политическом дискурсе в ситуации регламентированного институционального общения политическим деятелем вряд ли может быть произнесено высказывание *А плевать я хотел на интересы избирателей*; оно не противоречит требованиям постулата релевантности (для политика естественно рассуждать об избирателях и их интересах), но подлежит фильтрации именно в силу очевидного несоответствия его содержания фундаментальной цели политического дискурса (которой является борьба за власть), вытекающей из этой цели ведущей стратегии речевого поведения политика (а именно стратегии позитивной самопрезентации), а также такой важнейшей предпосылке успешности политической коммуникации, как «завоевание доверия и симпатии адресата»⁴. На тех же основаниях в научном дискурсе (подчеркнем, что речь опять-таки идет о дискурсивной деятельности, осуществляемой в официальных рамках регламентированного общения) с его глобальной интенцией на постижение истины и выработку нового знания, а также на отстаивание своей точки зрения в процессе

³ СОССЮР, Фердинанд де. *Труды по языкознанию*. Москва, 1977, с. 101.

⁴ ШЕЙГАЛ, Е. И. *Семиотика политического дискурса*. Волгоград, 2000, с. 59.

познания окружающего мира⁵, маловероятны (по крайней мере, в нейтральных контекстах) высказывания типа *Меня не интересует, согласуются ли мои выводы с реальными языковыми фактами* или *Мне совершенно все равно, кто прав: вы или я*. Подчеркнем, что недопустимость подобных высказываний связана не с резкостью соответствующих формулировок, как может показаться на первый взгляд. При всей осторожности отношения научного дискурса к любого рода резкостям и крайностям он оказывается гораздо более терпим к крайностям прямо противоположного свойства – например, вроде той, которая столь часто реализовывалась в полемических диалогах с участием Г. П. Щедровицкого (ср.: *Извините! У Выготского этой идеи не было, и тут я готов с вами стреляться. <...> Я ведь понимаю, о чем вы говорите, а дальше – на пистолетах, господа, на пистолетах*⁶); эта резкость в отстаивании своей точки зрения не вполне отвечает общепринятым правилам ведения регламентированной научной дискуссии, но при этом ее согласованность с отмеченными выше глобальными интенциями научного дискурса обеспечивает ее прохождение через соответствующие фильтры и определенное (по-видимому, все же периферийное) место в научной дискурсивной практике.

– Модальные компоненты высказывания.

По-видимому, так или иначе реагировать на дискурсивные фильтры могут любые модальные компоненты, но, как представляется, наибольшей чувствительностью в этом смысле отличаются деонтические, аксиологические и эмоциональные модусы. Так, легко убедиться в фильтрации высказываний с определенными деонтическими и аксиологическими параметрами в дискурсе ребенка (ср. неестественность в устах ребен-

ка – во всяком случае, вне основательной контекстуальной поддержки – высказываний типа *Очень плохо, что ты, мама, до сих пор не приготовила завтрак* или *Папа, ты обязан пойти со мной в цирк*) или в существовании ограничений на производство высказываний с рядом эмоциональных модусов в научной коммуникации и т. п. (целый ряд ограничений последнего типа неоднократно становился объектом специального анализа, хотя и в несколько ином исследовательском ракурсе – главным образом в том ракурсе, который задан проблематикой функциональной стилистики). В ряде случаев такую чувствительность демонстрирует эпистемический модус, что удобно проиллюстрировать, обратившись к анализу высказываний с модусом веры в научном дискурсе. Эпистемика научного дискурса представляет собой сложное динамическое образование, опорными точками которого являются иницилирующее мнение и результирующее знание; при этом процесс получения знания обычно предполагает проверку, верификацию исходного предположения (мнения) при помощи необходимого корпуса фактов, которые адекватно (т. е. с соблюдением принятых процедур вывода, удовлетворяющим требованиям получения дисциплинарного знания) интерпретируются исследователем. Если же исходное мнение не прошло через адекватные процедуры верификации, оно не только не имеет шансов стать знанием, но и может остаться в невысоко котирующемся в научном дискурсе истинностном ранге веры, ср., например:

– *Но, может быть, здесь и проявляется та универсальная логика, о которой говорил Федоров?*

– *Вы хотите верить в это? Верьте. Но имейте в виду, что я считаю вашу веру наивной и, в какой-то мере, для XX в. смешной и некультурной*⁷.

⁵ См.: МИХАЙЛОВА, Е. В. Конститутивные признаки научного дискурса. In *Языковая личность: проблемы обозначения и понимания*. Волгоград, 1997, с. 95-96.

⁶ ЩЕДРОВИЦКИЙ, Г. П. *Философия. Наука. Методология*. Москва, 1997, с. 572.

⁷ ЩЕДРОВИЦКИЙ, сноска 6, с. 427.

При этом весьма показательны два обстоятельства. Во-первых, характерно, что востребованной в научном дискурсе оказывается не субъектная вера (т. е. *вера кому*, ср. *верить Хомскому/Вежбицкой, Джекендоффу...*; отметим, что подобные конструкции нам в научных текстах не встречались, что позволяет предположить низкую степень их вероятности), а объектная (т. е. *вера во что* или *вера, что...*, ср. выше: *верить во врожденный характер языковых способностей = верить, что языковые способности являются врожденными*). Во-вторых, вера в научном дискурсе практически всегда приписывается другому, причем в обычном для *вы верите*, *он верит* смысле снисхождения к чужому заблуждению (импликатура, отмеченная М. Селезневом⁸); позиция же «я»-субъекта научной дискурсии принципиально идиосинкратична по отношению к этому иррациональному по своему источнику ментальному состоянию. Таким образом, высказывания с эпистемическим модусом веры подлежат в научном дискурсе, по сути дела, двойной фильтрации: объектом такой фильтрации оказывается, во-первых, семантика предиката, а во-вторых – лицо субъекта модуса.

– Иллокутивные характеристики.

Удобным материалом для иллюстрации специфики дискурсной фильтрации данного типа являются, например, иллокутивные характеристики дискурсов родителя и ребенка, а конкретнее, степень востребованности в этих дискурсах тех речевых актов (РА), которые представляют различные зоны директивности. Все директивные РА могут быть с этой точки зрения разделены на три подгруппы:

- а) РА, возможные только в дискурсе родителя и неприемлемые для ребенка;
- б) РА, возможные только в дискурсе ребенка и неприемлемые для родителя;
- в) РА, приемлемые как в дискурсе родителя, так и в дискурсе ребенка.

Понятно, что в рамках настоящего анализа интерес представляют РА первого и второго подтипов. Так, для ребенка запретными являются жесткие разновидности директивных РА, которые описываются глаголами *велеть, командовать, приказывать, требовать* (в принципе ребенок может выполнить такое речевое действие, но скорее всего в подобной ситуации ему будет указано на неприемлемость его речевого поведения). В то же время исключительно в дискурсе ребенка (но не в дискурсе родителя) функционируют те разновидности директивных РА, которые описываются глаголами типа *клянуть/выклянчивать, выпрашивать, канючить* и под. Таким образом, иллокутивная сфера директивности распределена между родителем и ребенком асимметрично: дискурсные фильтры «пропускают» в речь ребенка только мягкие и нейтральные директивные РА; родителю же доступна практически вся зона директивности от мягких уговоров и просьб до жестких приказов и требований, за исключением подлежащих фильтрации специфически «детских» РА (в принципе аналогичное распределение РА наблюдается и в ряде других статусно маркированных дискурсов – ср., например, дискурсы учителя и ученика, начальника и подчиненного и под.).

2. Насколько жесткой является соотвествующая система фильтров и в каких случаях разумно говорить о том, что такое-то высказывание в данном типе дискурса невозможно, а в каких – целесообразно квалифицировать определенные типы высказываний как нетипичные, не вполне естественные, маловероятные и т. п.?

И здесь уместно вновь обратиться к дискурсам родителя и ребенка и акцентировать следующее обстоятельство: суть дела заключается не только в том, что дискурс родителя фильтрует одни разновидности РА, дискурс ребенка – другие, а в том, что, на наш взгляд, эта фильтрация носит в названных типах

⁸ СЕЛЕЗНЕВ, М. Г. Вера сквозь призму языка. In *Прагматика и проблемы интенциональности*. Москва, 1988, с. 244–254.

дискурса **разный характер**. Для ребенка соответствующие РА **запретны**, их выполнение наказуемо; для родителя выполнение соответствующих РА странно и **неестественно**. Если воспользоваться общеизвестной метафорой М. Хайдеггера, то можно сказать, что в том доме духа, которым является язык, есть помещения, куда ребенку заходить нельзя, хотя иногда хочется, а для родителя есть помещения, наведаться куда ему и в голову не приходит. Таким образом, работа соответствующих дискурсных фильтров оказывается основанной на разных принципах: одни не пропускают запрещенное, а другие задерживают неуместное.

Кстати, последний пример может быть использован и при обсуждении такой проблемы (или, по крайней мере, при ее беглой постановке), как степень осознанности субъектами дискурсивной деятельности того, что соответствующие фильтры существуют и носят определенный характер. Применительно к последнему примеру можно утверждать, что для ребенка наличие этих фильтров вполне осознанно, так как их усвоение происходит в режиме проб и ошибок, сопровождающихся вполне четкими и эксплицитными указаниями родителей, последовательно маркирующих запретные иллокутивные зоны сигналами типа *Ты как разговариваешь с мамой? Это что еще за тон? Ты мне тут еще командовать будешь?* и т. п. Для родителя же их осознание требует специальной и весьма маловероятной в режиме обычной коммуникативной деятельности рефлексии по этому поводу. Ребенок обычно знает, что определенные речевые действия для него невозможны, ибо он попробовал и ему **объяснили**, что это недопустимо; родитель же, как можно предположить, даже **не подозревает** (во всяком случае не задумывается) о том, что его иллокутивная свобода ограничена, ибо ограничения наложены на такие зоны, использование

которых в нормальном режиме речевой деятельности ему совершенно не нужно.

3. И, наконец, один из важнейших для избранного ракурса анализа вопрос, а точнее серия взаимосвязанных вопросов: **в чем конкретно состоит специфика различных типов дискурса как фильтрующих систем; по каким параметрам они различаются и возможно ли построение на основании анализа фильтрующей способности дискурсов их типологии?**

Понятно, что постановка этих вопросов предполагает в качестве дальнейшего шага сравнительный анализ различных типов дискурса. Поэтому далее мы обратимся к (неизбежно редуцированному и фрагментарному) сопоставлению двух дискурсивных сфер, а именно научного и политического дискурсов (далее – НД и ПД соответственно), ограничившись при этом наброском ответа на первый из поставленных в данном разделе вопросов.

По-видимому, можно утверждать, что НД представляет собой гораздо более жесткую систему фильтров, чем ПД, – по крайней мере, с точки зрения ограничений, накладываемых на модальные и иллокутивные характеристики высказывания. Так, в НД, как отмечалось выше, на дискурсивную фильтрацию реагируют высказывания с определенными эпистемическими модальными компонентами, что совершенно нехарактерно для ПД, никоим образом не ограничивающего эпистемическую свободу субъектов: в ПД активно задействованы все ментальные зоны (знание, мнение, вера) во всем разнообразии их смыслового наполнения и субъектных комбинаций⁹.

Сходная картина наблюдается при сравнении иллокутивных характеристик НД и ПД. В ПД практически не существует запретов на производство каких-либо иллокутивных актов (возможно, есть лишь какие-то незначительные ограничения на очень

⁹ См.: ЗАДВОРНАЯ, Елена. Субъект высказывания и дискурса: человек говорящий и человек мыслящий. Минск, 2000, с. 165–176.

мягкие или подчеркнута бытовые, «домашние» РА типа упрощения, мольбы, уговаривания, выклянчивания). Более того, ПД способен породить своеобразные РА, неизвестные другим сферам коммуникации; так, Е. И. Шейгал справедливо выделяет политические перформативы доверия/недоверия, поддержки, выбора, специфические политические РА типа вердиктов, здравий и др.¹⁰ В то же время в НД не востребуемыми оказываются весьма широкие иллокутивные зоны; здесь фильтрации подлежат целые классы РА, в том числе РА, представляющие зоны подчеркнута мягкой и подчеркнута жесткой директивности, ряд комиссивных РА (ср. маловероятность в НД речевых действий вроде клятвы, ручательства, гарантии), РА вербальной агрессии типа угрозы, шантажа, оскорбления и т. п. В принципе какие-то из названных РА могут «полуконтрабандно» проникать в чуждую им дискурсивную сферу, но это проникновение, по нашим наблюдениям, обычно сопровождается специфическими маскирующими коммуникативными ходами. В этом смысле весьма выразительны, например, следующие способы введения в научный текст РА вербальной агрессии, ср.:

(1) – *Выдайте мне объект.*

– *Во! Выдайте мне объект! Если бы я был такой же смелый, как Гегель, я отвечал бы: пошли вы...*¹¹;

(2) *В последнее время такая стратегия и другие аналогичные ей характеризуются как позиции «кретинизма». Если рассматривать такую оценку как чистую констатацию и не предполагать за ней ничего обидного, то, наверно, можно было бы характеризовать эту первую позицию, или стратегию, как позицию «естественно-научного кретинизма»¹².*

По сути дела, в данных контекстах присутствуют «незаконные» для НД речевые действия: в первом случае РА содержит ин-

вективу, во втором – крайне резкую негативную оценку (*кретинизм*), которая в принципе является оскорбительной. Но при этом совершение данных речевых действий сопровождается нейтрализацией их негативного характера: в первом случае а) говорящий частично снимает с себя ответственность за свое речевое действие, прибегая к псевдоцитированию; б) говорящий ослабляет актуальность РА за счет модализации высказывания (*если бы я был... я отвечал бы...*); во втором – а) субъект оценки представлен как неопределенный (*в последнее время такая позиция характеризуется кем?*)...; б) оценка носит безадресный характер («кретинизм» никому конкретно не приписывается); в) говорящий предпринимает попытку (на наш взгляд, неубедительную, но тем не менее весьма симптоматичную) дезавуировать яркий оценочный компонент семантики слова *кретинизм* и представляет свое речевое действие как констатирующее. Кстати, обращение к анализу функционирования в НД и ПД оценочных высказываний позволяет сделать еще одно наблюдение. Различия между НД и ПД наблюдаются не только в **интенсивности** допускаемой в них оценки, проявляющейся в характерной для НД тенденции к фильтрации крайних, предельно интенсивных оценок, но и в избирательном отношении к востребованным в данных дискурсивных сферах **типам** оценки; так, например, если одной из самых актуальных для ПД разновидностей оценки является этическая (ср. типичность обвинения политических оппонентов в нравственной нечистоплотности, нарушении моральных норм и т. п.), то в НД характеристики типа «нравственно – безнравственно», «морально – аморально» обычно избегаются. Это не значит, что данный тип оценки в НД в принципе невозможен: ученые могут обсуждать вопросы о

¹⁰ См.: ШЕЙГАЛ, сноска 4, с. 238–254.

¹¹ ЩЕДРОВИЦКИЙ, сноска 6, с. 520.

¹² ЩЕДРОВИЦКИЙ, сноска 6, с. 300.

нравственности и науке, нравственности в науке и т. п., но при этом в регламентированной научной коммуникации вряд ли приемлема непосредственная этическая оценка партнеров по коммуникации или их конкретных речевых действий (ср. неестественность официальных оценок типа *эта статья безнравственна, ваш ответ оппоненту аморален, эта диссертация неэтична* и т. п.). Этот тип оценки оказывается явно маргинальным и актуализируется преимущественно в пограничных коммуникативных областях (кулуарных беседах, сочетающих признаки научной и обыденной коммуникации¹³, текстах-персоналиях, совмещающих элементы научной и публицистической речи и т. п.).

Jelena Zadbornaja

Minsk State Linguistic University

DISCOURSE AS A SYSTEM OF FILTERS

Summary

The article is concerned with possible ways of the discourse analysis that result from the understanding of the discourse as a system of filters limiting the production of certain utterances in a specific type of discourse. The components of the utterance, namely the propositional content, modal and illocutionary characteristics of the utterance, that can react to the discourse filtration, are singled out and considered. It is shown that in different types of discourse we may observe different nature of filtration and different degrees of de-

Таким образом, представляется, что эвристический потенциал, порожденный трактовкой дискурса как специфической системы ограничений (в нашей терминологии – системы фильтров), далеко не исчерпан. Более того, основные задачи выявления и анализа всех лингвистически релевантных последствий, вытекающих из этой трактовки, по сути дела, еще ждут своих конкретных решений – и, по-видимому, целенаправленный и систематизированный поиск таких решений имеет все шансы стать одним из весьма интерпретативных направлений анализа дискурса.

Jelena Zadbornaja

Minko valstybinis lingvistikos universitetas

DISKURSAS KAIP FILTRŲ SISTEMA

Saŋtrauka

Straipsnyje nagrinėjami galimi diskurso analizės būdai, kai diskursas suvokiamas kaip filtrų ribojančių tam tikrų pasakymų kūrimą konkrečioje diskurso rūšyje, sistema. Išskiriamos ir nagrinėjamos pasakymo sudėtinės dalys, tai yra propozicinis turinys, modalinės ir ilokucinės pasakymo savybės, kurios gali lemti diskurso filtraciją. Taip pat parodoma, kad įvairaus tipo diskursuose jų subjekto veiklos filtracijos prigimtis ir filtrų tankis gali labai skirtis. Be to, aptariama diskursų tipologijos, grindžiamos gebėjimu filtruoti diskursą, problema. Lyginami mokslinis ir

¹³ Характерным примером может служить беседа Ю. М. Лотмана и Б. А. Успенского, о которой вспоминает Т. М. Николаева: «Речь шла о том, голосовать ли за присуждение докторской степени за хорошую работу, но плохого человека. Борис Андреевич был «за» с мотивировкой: домой такого человека звать не надо, но работа есть работа. Юрий Михайлович был резко против: человек вступает в один со мной цех, в одну корпорацию, там нет места человеку сомнительному или не порядочному, какую бы работу он ни написал». То, что содержание подобного разговора могло бы быть вынесено в сферу регламентированной, институциональной научной коммуникации, кажется, мягко говоря, маловероятным (НИКОЛАЕВА, Татьяна. Трагедия культурного героя. In *Московско-тартуская семиотическая школа. История. Воспоминания. Размышления*. Москва, 1998, с. 171).

liberateness of this filtration by subjects of discourse activity. Furthermore, the problem of the typology of discourses that is based on a filtering capability of the discourse is discussed, scientific and political discourses are compared and it is shown that the scientific discourse constitutes a more rigid system of illocutionary and modal filters than the political discourse does.

KEY WORDS: analysis of the discourse, discourse as the system of filters, the propositional content of the utterance, modal characteristics of the utterance, illocutionary characteristics of the utterance, the nature of discourse filtration, the scientific discourse, the political discourse.

politinis diskursai, prieinama išvados, kad mokslinis diskursas sudaro griežtesnę ilokucinių ir modalinių filtrų sistemą nei politinis.

REIKŠMINIAI ŽODŽIAI: diskurso analizė, diskursas kaip filtrų sistema, pasakymo propozicinis turinys, pasakymo modalinės charakteristikos, pasakymo ilokucinės charakteristikos, diskurso filtracijos prigimtis, mokslinis diskursas, politinis diskursas.